

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/23/3

«РИСУЯ КАМЧАТКУ...»: АРХИВНЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕГИОНА В ДЕТСКИХ РИСУНКАХ БЫСТРИНСКИХ ЭВЕНОВ*

Елена Валентиновна Головнёва,
Иван Андреевич Головнёв

Аннотация. Анализируются детские рисунки быстринских эвенов, проживающих на Камчатке, с целью выявления в них компонентов традиционного мировоззрения и репрезентационного потенциала образа региона. Исследование строится на результатах ретроспективного анализа архива этнографа Елизаветы Порфирьевны Орловой (1899–1976) (фактически впервые вводимого в научный оборот), изучавшей группу быстринских эвенов на Камчатке в первой половине XX в. и собиравшей визуальные материалы об их культуре, а также эмпирического изучения детских рисунков детей современных эвенов, проживающих в Быстринском районе Камчатки. Основу исследования составили также материалы, полученные в процессе работы в музейных организациях г. Петропавловска-Камчатского и сел Быстринского района, и интервью с местными жителями, проведенными в августе 2018 г. Анализируются детские рисунки быстринских эвенов 1920–1930-х гг., выявляется их эвристическая ценность как инструмента анализа традиционной эвенской культуры. Предлагается интерпретация фактической и символической информации, содержащейся в них. Отдельное внимание уделяется исследованию детских рисунков быстринских эвенов на современном этапе. Показано, что, наряду с сохранением традиционных приемов работы в художественном творчестве детей быстринских эвенов, очевидна трансформация сюжетной составляющей в изображениях, обусловленная современными реалиями жизни на Камчатке, где соединяются «досоветское» и «советское» наследие, происходит унификация культурных ценностей. Делается вывод о том, что, с одной стороны, детский рисунок отражает процессы возрождения интереса к своей традиционной культуре и традиционным ремеслам в условиях постсоветской действительности, с другой стороны, обращение к собственным «корням» в художественной сфере выступает одним из путей сохранения или построения своей идентичности в полиэтнической среде, той границей, которая отделяет местное население от приезжих.

Ключевые слова: детские рисунки 1920–1930-х гг., быстринские эвены, архив Е.П. Орловой, визуализация, Камчатка

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-59-23007 «Опыты изучения и визуальной репрезентации фронтирных территорий России и СССР в визуальной антропологии первой половины XX века: на примере исследований российских и венгерских ученых и кинематографистов».

Мы любим лес в любое время года,
Мы слышим речек медленную речь,
Все это называется – Природа,
Давайте же всегда ее беречь!
(слова из песни Ю. Чичкова)

Надпись у входа в школу с. Эссо Быстринского района Камчатского края

Визуальные способы фиксации материала все чаще внедряются в работу исследователей в качестве культурного производства текстов, репрезентации этнографического и социологического знания, демонстрации контекста индивидуального и коллективного опыта. Широкий спектр визуальных средств (от орнамента до документального и игрового кино) становится объектом пристального внимания и изучения со стороны представителей различных дисциплинарных областей. Можно говорить даже об осуществлении своеобразного visual turn в культурных исследованиях, при котором предметом рассмотрения оказываются способы визуализации как традиционной и современной культуры, так и изучаемого региона. Так, к довольно востребованным в последнее время методам социальной антропологии относятся фотоисследования, как попытки реконструировать физическое окружение, события и представления людей (Романов, Ярская-Смирнова 2007). В этом многообразии визуальных средств самоописания культур особое место принадлежит детским рисункам, эпистемический потенциал которых для раскрытия определенного культурного контекста в этнологических и культурологических исследованиях осмыслен пока в недостаточной степени.

Между тем детский рисунок представляет собой особый вид визуальной репрезентации культуры, в котором, как известно, отображается не только коллективный опыт, но и субъектность ребенка, собственные личные схемы его развития, что связано, помимо прочего, с детской памятью и предыдущим опытом. Детский рисунок отражает также определенное и внутренне связанное обрамление мира ребенка, является формой визуализации его «я» (Jameson 2007). Применительно к традиционной культуре можно утверждать, что рисунки детей коренных народов становятся значимой формой визуально-антропологической репрезентации их культуры, а также территории их проживания и, соответственно, представляют собой интересный материал для научного анализа.

В данной работе внимание фокусируется на способах видения культуры и окружающего пространства, представленных в мировоззрении детей одного из самобытных этнокультурных сообществ Камчатки – быстринских эвенов (Орлова 1930; Гурвич 1960; Кузаков 1968; Бергман 2000; Дитмар 2009; Кириллова 2012; Robert-Lamblin 2004).

Быстринские эвены – обособленная группа эвенов, проживающая сегодня на территории Быстринского района Камчатского края в с. Эссо и

Анавгай общей площадью 24 тыс. км². Образованный 12 августа 1926 г. по решению Камчатского окружного ревкома Быстринский ламутский туземный район изначально включал в себя 37 групповых кочевых хозяйств с населением в 470 человек (Слугин 2011: 183). В настоящее время общая численность быстринских эвенов составляет порядка 1 000 человек (в с. Эссо проживают 650 эвенов, в с. Анавгай – 349)¹. Отличительными особенностями культуры данной территориальной группы эвенов на современном этапе является сохранение оленеводства (поголовье оленей во всех категориях хозяйств Быстринского района составляет 10,5 тыс. голов), рыболовства и рыбообработки как основных видов традиционного природопользования; использование на «рыбалках» летних цилиндрико-конических жилищ (из жердей и брезента); сохранение распашного типа одежды во время ритуальных действий и исполнения национальных танцев, сохранение особых фольклорных жанров (нимкан – героических сказаний, норгали – традиционного танца) и др.

Исследование строится на результатах ретроспективного анализа архива этнографа Е.П. Орловой (фактически впервые вводимого в научный оборот), изучавшей группу быстринских эвенов на Камчатке в первой половине XX в. Анализ архивных данных, полученных в музейных организациях г. Петропавловска-Камчатского и сел Быстринского района, включал в себя сопоставление текстовых и визуальных материалов, оставленных Е.П. Орловой, а также изучение архивных фотографий и рисунков с целью выявления в них репрезентационного потенциала Камчатского края в первой половине XX в. Исследование динамики образов культуры и территории в визуальных документах проводилось на основе сравнительного анализа архивных (1920–1930-е гг.) и современных рисунков детей эвенов, проживающих в Быстринском районе Камчатки. В ходе изучения культуры быстринских эвенов использовался метод включенного наблюдения и проводилось интервьюирование жителей с. Эссо. Материалы исследования были получены авторами статьи в ходе экспедиции на Камчатку в августе 2018 г.

Предпринятое нами изучение визуально-антропологического материала о Камчатке позволило поставить и решить следующие вопросы: какое место в архиве этнографа Е.П. Орловой занимают детские рисунки? в чем заключается их эвристическая ценность как инструмента анализа традиционной эвенской культуры? как можно прочесть фактическую и символическую информацию, содержащуюся в них? в каком смысле данные рисунки возможно рассматривать как органический элемент жизненного опыта эвенов? какие новые темы и сюжеты появляются в детских рисунках быстринских эвенов на современном этапе?

Постановка именно такого круга вопросов объясняется тем, что в современной антропологии сохраняется известный разрыв между

направлениями исследований в рамках самой этой науки. Результаты исследования, полученные в одной области антропологического знания, не используются в других областях в той мере, в какой, на наш взгляд, это возможно. К примеру, обращение к такому средству визуализации региона, как детский рисунок, потребовало от нас совмещения в фокусе изучения, по крайней мере, трех направлений в области антропологии. Анализ визуального заставил нас обратиться к опыту визуальной антропологии. Исследование «детских перспектив» в рисунках потребовало обращения к антропологии детства. Изучение изображений, сделанных самими носителями культуры, вывело нас в плоскость проблемы восприятия региона индигенными народами, акцентировало важность идеи самопрезентации культуры, самостоятельного отбора ею тех образов, которые важны. В таком ракурсе в рамках антропологии детский рисунок еще не анализировался. Практически не проводилась и систематическая работа по выявлению и изучению детских рисунков в этнографических архивах исследователей. Предлагаемая работа, по замыслу авторов, призвана восполнить этот пробел.

Быстринские ламуты-эвены: архив Е.П. Орловой

Архив Е.П. Орловой, в основном хранящийся в настоящее время в фондах Камчатского краевого объединенного музея (г. Петропавловск-Камчатский), и частично в Быстринском районном этнографическом музее (с. Эссо), представляет собой уникальное собрание текстовых и визуальных (фото, рисунки) материалов, касающихся культуры народов Сибири и Дальнего Востока (ительменов, коряков, эвенов, алеутов). Архив содержит большое количество аннотированных лично Е.П. Орловой фотографий, рисунков и документов – более 200 предметов, собранных этнографом на Камчатке, Дальнем Востоке и Сахалине в 20–30-е гг. XX в. Случайная сохранность этого архива² и введение в научных оборот до сих пор лишь фрагментарных, отрывочных сведений из научного наследия Е.П. Орловой актуализируют необходимость внимательного его изучения, в том числе в контексте представленности в нем визуальных материалов, касающихся репрезентации фронтирных территорий России и СССР в первой половине XX столетия – прежде всего, полуострова Камчатки.

Елизавета Порфирьевна Орлова (1899–1976), выпускница этнографического факультета Петроградского географического института, оказалась на Камчатке в 1925 г., когда начался планомерный выезд к малоизученным народам экспедиций Комитета Севера и шла подготовка к проведению обследования, получившего название «Приполярная перепись». Как отмечает сама Е.П. Орлова, «до той поры народами Севера никто специально не занимался, и одной из первоочередных задач Комитета Севера было собирание необходимых сведений о жизни и нуж-

дах малых народностей Севера, изучение их истории, культуры и быта» (БЭМ 262/1. Л. 4). В 1926–1927 гг. весь крайний север Союза, начиная от Кольского полуострова на западе и кончая Чукотским полуостровом на востоке, подвергся системному изучению (в хозяйственном, экономическом, этнографическом отношении) по единой для этой территории программе (БЭМ 259. Л. 5). Впервые «в истории России и всего мира поставлена была задача – получить “ясную картину состояния экономики, хозяйства, быта и культуры народов Севера, его численности с разбивкой по национальности”»³. Для достижения этой амбициозной цели вся территория северных труднодоступных окраин Дальнего Востока была разделена для проведения переписи на 33 участка, на каждом из которых работал отдельный регистратор.

Маршрут Е.П. Орловой, как одного из регистраторов переписи и профессионального этнографа, пролегал по южной части Тигильского и северной части Большерецкого районов Камчатки и проходил в период с сентября 1926 г. по апрель 1927 г. Весь маршрут Орловой составил около 2 800 км, из которых около 2 500 км ей пришлось преодолеть на собаках, 180 км на лошадях, около 120 км на кунгасах и батах. С ноября 1926 г. по январь 1927 г. Орлова проводила перепись ламутских стойбищ в хребтах в районе верховий р. Быстрой (Эссо), где располагались ламутская школа и тузрик (БЭМ-259. Л. 19, 20), одновременно изучая и ведя преподавательскую работу среди группы населения, которая в настоящее время именуется быстринскими эвенами (рис. 1)⁴.

Рис. 1. Е.П. Орлова в с. Эссо. Автор фото не установлен. БЭМ–728

Ламуты (название эвенов до 1932 г., самоназвание «орочел» – «оленный», «орон» – олень) уже в первой половине XX в. представляли собой весьма примечательную группу камчатского населения, обладающую специфическими чертами в развитии материальной и духовной культуры (Гурвич 1968). В отличие от коряков и ительменов, они не принадлежали к автохтонному населению и являлись пришлыми на полуострове. По данным Е.П. Орловой, ламуты пришли на Камчатку с Колымы через р. Пенжину в конце 30-х гг. XIX в. и поселились среди самых ранних известных аборигенов Камчатки – коряков. Известен факт, что в 1851 г. ламуты обратились к губернатору Камчатского края В.С. Завойко с просьбой оформить их на данной территории, которая им очень понравилась, разрешить платить ясак по новому месту жительства, и их просьба была удовлетворена (БЭМ 262/3. Л. 117). Всю территорию расселения ламутов в 1926–1927 гг., как отмечает Орлова, можно было разделить на восемь географических районов, в которых они жили в юртах небольшими группами по 3–5 хозяйств и делились на две строго экзогамные родовые группы (фратрии), количественно почти равные – Уяганскую и Долганскую; кроме того, были единичные представители Деллянского рода (8 человек) и Кулумского (3 человека) (Л. 118). Известный исследователь Камчатки В.И. Иохельсон в своем обобщающем труде «The Country of the Kamchadals» (1930) считал ламутов уже неотъемлемой частью камчатского населения, отмечая общность черт материальной культуры ламутов, коряков и ительменов (Jochelson 1930).

Проводимые среди быстринских эвенов исследования Е.П. Орловой вполне отвечали духу реализуемой «на местах» советской национальной политики: по возможности, не только тщательная фиксация элементов традиционной культуры и подробное изучение хозяйственной жизни коренных народов края, но также осуществление активной просветительской и пропагандистской деятельности. В 6-м пункте Постановления Камчатского окружного Ревкома об организации Быстринского национального района от 12 августа 1926 г. четко звучала позиция: «...усилить работу по привлечению в школы детей-туземцев...» (Слугин 2011: 183).

Е.П. Орлова стала одной из первых советских учительниц, обучавших грамоте быстринских эвенов. Выучившись самостоятельно эвенскому языку, этнограф принимала активное участие в создании письменности у эвенов на основе русского алфавита (эта письменность появилась в 1936 г.), а также разработке школьных программ и учебников для преподавания эвенского языка. По ее воспоминаниям, «из 239 ламутов-мужчин в 1926 г. было 30 грамотных, что составляет 12,5%. Грамотных женщин среди ламутов не было. Начальное образование ламуты получали в Тигильской, затем в Хариузовской школах-

трехлетках... В 1925 г. были отпущены средства на постройку специального здания школы; руководил строительством энергичный человек, бывший студент Ленинградского географического института, этнограф К.И. Бауэрман. В 1926 г. школа была построена при самом энергичном участии самих ламутов. В 1926/27 учебном году в школе набралось 18 учеников в возрасте от 9 до 21 года. При поступлении в школу ламуты не стеснялись возраста...» (БЭМ 262/3. Л. 119, 120). Е.П. Орлова особо отмечает, что «дети ламутов очень способны к учебе, очень любознательны, наблюдательны, стремились учиться, охотно брали книги на дом, читали вслух в юртах и *прекрасно рисовали животных* (выделено нами. – Е.Г., И.Г.)...» (Там же).

В архиве Е.П. Орловой довольно много фотографий, отображающих повседневную культуру быстринских эвенов, а также имеется небольшая коллекция детских рисунков. Судя по сохранившимся в архиве Е.П. Орловой детским рисункам эвенов, датированных 1920–1930-ми гг., эти рисунки не просто являются способами визуализации и усиления этнографического знания, они открывают возможность исследования «детских перспектив» в условиях исчезающей традиционной культуры и дают возможность представить особенности жизни быстринской группы эвенов «бэринэл» (так старожилы-эвены Быстринского района до сих пор называют себя)⁵.

Детские рисунки быстринских эвенов 1920–1930-х гг: по материалам архива Е.П. Орловой

Интерес к рисунку, как средству производства и сохранения знания об изучаемых культурах, не является новым в этнографической практике. Рисункам, как прекрасному подвижному, мобильно-развивающемуся опыту соотнесения человека себя с природной и культурной средой, уделяли внимание многие путешественники и исследователи (Causey 2017). Независимо от цели своего создания, рисунки содержат внутренний нарратив об отношениях и ценностях той эпохи, когда они были созданы. В то же время рисунки представляют собой первые визуальные изображения туземцев в национальной одежде, предметов их материальной культуры (рисунки одежды, утвари) и особенно тех объектов культуры, которые нельзя было привезти с собой из экспедиций (рисунки жилищ).

В XIX в. попытка систематизировать и осмыслить богатое художественное и научное наследие народов Российской империи выразилась, как известно, в появлении уникального и масштабного по своему размаху 19-томного издания «Живописная Россия», для которого со всех концов страны собирались фотографические и акварельные альбомы, коллекции, находившиеся в правительственных учреждениях и во владении

частных лиц. Сочинение «Живописная Россия», помимо прочего, должно было давать наглядное представление о существовании древних самобытных культур коренных народов России (Живописная Россия 1881–1901). Например, известный ученый-сибиревед В.Г. Богораз-Тан в 1913 г. особо отмечал необходимость изучения рисунков туземцев Севера, которые, на его взгляд, «отличаются художественными способностями, рисуют с большим мастерством на дереве, на коже, охрой и сажей, режут на кости, изящно вышивают» (Publications... 1913).

В 1920–1930-х гг., наряду с текстовым описанием этнических культур, художественно-научными репрезентациями отдаленных территорий СССР, определенный интерес стали вызывать также детские рисунки коренных народов Сибири и Дальнего Востока, хотя в корпусе этнографического знания внимание к ним оставалось все же весьма незначительным. Тем не менее в 1925 г. в журнале «Живая старина» была опубликована работа П.П. Хороших «Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири» (Хороших), а в 1926 г. в Иркутске была издана книга П.Ф. Требуховского «Детский рисунок туземных народов Сибири» (Требуховский), которая содержала обширный сравнительный материал и отмечала перемены в графике и тематике рисунков современных детей-северян. В 1930-е гг. в Москве и Ленинграде были организованы также выставки детских рисунков туземцев Севера, которые привлекли к себе внимание советских писателей, педагогов и искусствоведов.

Изучавшая эвенов Камчатки Е.П. Орлова, являясь умелой рисовальщицей, создававшей полихромные пейзажные зарисовки края, не случайно уделяла особое место в своей преподавательской деятельности детским рисункам, которые она даже готовила к печати. В своих экспедиционных записках она отмечала: «Копировала рисунки ламутов и коряков я сама. К сожалению, пришлось пренебречь массой великолепных рисунков ламутов, исполненных красками. Передача их тушью дает только их остов, скелет рисунка, и поэтому к печати пришлось подготовить наиболее примитивно исполненные рисунки» (ККОМ. ОФ. Д. 37380. Л. 1).

Особая интуиция, связанная с ощущением и передачей цветовой гаммы изображений, чувство цвета, о которой косвенно свидетельствует Орлова применительно к ламутам, – характерная особенность детских рисунков коренных народов 1920-х гг., отмечаемая П.Ф. Требуховским. Известно, к примеру, что одежда эвенков удивительна по своему колориту, а В.Г. Богораз в отношении эвенской одежды писал следующее: «Вся одежда ламутов сверкала красной и голубой узорной вышивкой, как цветы на каменных склонах... Кожаные и меховые кафтаны, обшитые черным, зеленым и красным сафьяном, перемеживаются в клетку с дорогим алым сукном. На шапках, на огнивых и табач-

ных мешках, на меховых сапогах и кожаных штиблетах, даже на колыбели, в которой лежал грудной младенец, на маленьком седле... – везде и всюду сверкали затейливые узоры ламутских украшений» (История и культура эвенов...1997: 153).

В Камчатском краевом областном музее сохранилась коллекция ламутских рисунков, датированных 1926, 1927 и 1931 гг. (рис. 2). Эти изобразительные свидетельства содержат информацию о том, какие визуальные знаки и символы выбирались детьми для ориентации в окружающем мире, какие образы доминировали и хранились в их памяти.

Рис. 2. В табуне. Рисунок И.А. Тылканова. 1927 г. ККОМ. Ф. 37380. Оп. 1. Д. 1. Л. 13

В сюжетном плане тематика, связанная с традиционным образом жизни, – основная в детских рисунках быстринских эвенов 1920–1930-х гг. На первый план в них выходят связь природы и человека, преобладание живого, динамического реализма, основой которого является мировосприятие охотников, рыболовов, кочевников-оленоводов. Природа, в представлениях эвенов, наделена чувствительностью, и субъективно считается, что роль человека, ведущего традиционное природопользование, активна, и любое его действие (или бездействие) вызывает ответную реакцию природы (Сирина 2008: 124). Как отмечает Е.П. Орлова, в 1926–1927 гг. у быстринских эвенов было полунатуральное хозяйство, основу жизни составляло оленеводство, доставлявшее все необходимое для их жизни. На втором месте стоял пушной промысел; на средства от продажи пушнины эвены покупали порох, дробь, табак, чай, сахар, мануфактуру, но покупные товары и продукты составляли

незначительную долю в их обиходе. Рыболовство играло подсобную роль, внося разнообразие в довольно однообразный мясной стол (БЭМ 262/3. Л. 155). Мужчина-орочел, таким образом, нес на своих плечах три основных занятия, дающие средства к существованию: оленеводство, охоту и рыболовство. Занятия женщин – возведение и содержание на стоянках временных жилищ – чумов, сбор и заготовка дикоросов, помощь мужчинам в уходе за оленями.

В эвенских рисунках визуально отражены начало и конец освоенного пространства, хорошо знакомая местность и опыт ее переживания. По словам Орловой, в пути орочел ориентируется орографией местности, знания о которой приобретаются в детстве, собственным чутьем и здравым смыслом (БЭМ 262/3. Л. 159). Трудовой день ламутов Камчатки в 1926–1927 гг. проходил приблизительно в таком порядке: в 5–6 часов поднимались женщины и готовили чай; несколько позднее, часов в 6–7 вставали все люди и принимались «чаевать». После чая мужчины выходили на улицу и работали около юрты: чинили санки, нарты, делали лыжи, заменяли для них ременные крепления, кормили собак и выполняли много других мужских дел. Женщины управлялись в юрте: выделывали шкуры, шили, чинили, убирали, занимались детьми и готовили пищу. Над очагом подвешивали большие котлы (2–3 ведра), наполняли их кусками оленьего мяса и варили его. В 9 часов ламуты завтракали, т.е. ели вареное в малом количестве воды оленье мясо. После завтрака – снова крепкий чай и выход на работу... Люди, которые стерегут табуны, вели примерно тот же образ жизни (Л. 129).

По словам А.А. Алексеева, «природа для эвена – это все, она его не только кормит, одевает, обогревает, но также служит основой для формирования в человеке нравственных ценностей. По отношению человека к природе судят о его нравственном здоровье» (Алексеев 1993: 47). Природа в рисунках быстринских эвенов может сохранять свою автономию от человека или включать человека и производное его труда: юрту, собачью упряжку, предметы быта, особенно часто – предметы кузнечного дела. Как отмечает Орлова, ламуты славились на Камчатке как отличные кузнецы; ножи их закалки особенно ценились своей остротой и прочностью. Ламуты говорили: «Свой ножик лучше, чем американский; тот крошится или бывает слишком мягкий, хоть правда он красивый». Не только камчадалы и коряки, но и русские стремились приобрести ножи ламутской выделки (БЭМ 262/3. Л. 129). Мальчики-эвены 4–5 лет имели собственный маленький нож, который они носили, как взрослые, через плечо. С 6–7 лет мальчикам дарили соответствующие их росту модели ружья, лука, копья, которыми они, играя, учились владеть. Мальчикам поручалось проверять ловушки и силки и самим устанавливать петли на мелких зверьков. С 10–12 лет им давали настоящее оружие и позволяли охотиться рядом со взрослыми (Титорева

2016: 237). Вышеприведенный опыт также находит свое выражение в детских рисунках эвенов.

Рисунки – это также наложенная на пространство схема психологических переживаний, связанных с периодом детства. Быстринские эвены привыкли жить довольно обособленно, в междуречье р. Уксичана и Быстрой, богатыми рыбой реками и горячими подземными источниками, среди густого леса, славящегося лиственницей, и заниматься табунным оленеводством. Эвенские дети обладали достаточно высокой степенью личной свободы. Гость, входя в жилище, наряду со взрослыми приветствовал детей, здоровался с ними за руку, серьезно расспрашивал их о жизни, о новых событиях, о последней кочевке или о промысловых успехах (Николаев 1964: 140). Процессы интернанизации, которые быстринские эвены переживали, начиная с 1929 г.⁶, можно рассматривать как пример социального эксперимента Советского государства, который заключался в приобщении коренных народов Сибири и Дальнего Востока к «процессу цивилизации» и который имел крайне неоднозначные последствия для дальнейшего развития традиционной культуры. По свидетельству А.Я. Слугина, работавшего в свое время директором Быстринского этнографического музея, дети быстринских эвенков даже в 1980-е гг. поднимались на самую высокую сопку близ с. Эссо и со слезами смотрели вдаль – в ту сторону, где вместе с оленями кочевали их родители; были частыми случаи, когда эвенские мальчишки убегали из интерната к оленеводам (Слугин 2011: 190).

Потребность в поддержании родственных связей и традиционного уклада жизни объяснялись, помимо прочего, отличительными особенностями характера быстринских эвенков, для которых, по сведениям Е.П. Орловой, были свойственны коллективизм, взаимовыручка и взаимоуважение. Этнограф отмечает, что «детей никогда не наказывали побоями, а воспитывали в трудовых навыках, “не сюсюкая”, а относясь серьезно, с уважением к достоинству будущих работников. У ламутов уважение к старшим стояло на самом высоком уровне, оно было неременным требованием общественной жизни. Труд был распределен между всеми членами трудового ламутского общества и поэтому не казался наказанием» (БЭМ 262/3. Л. 125).

Основные персонажи детских рисунков быстринских эвенков – животные (собаки, медвежата и др.), образы, почерпнутые ими из живой действительности, из собственного опыта и наблюдений. Так, медведь у ламутов рассматривался как пращур, отношение к нему было очень почтительное, как вообще ко всем старикам; они были убеждены, что нельзя говорить плохое о медведе, так как он все слышит через двойные кости лап, положив голову на передние лапы (Л. 127). Собака у эвенков часто выступала объектом дарения, а сама практика дарения собак поддерживала эмоциональный климат в сообществе (Сирина 2016: 300). Орлова

специально отмечает, что ламуты никогда не убивали собак, даже старых и инвалидов, считая, что нельзя убивать собаку, которая верно служила тебе и работала: «Пусть сама умрет; корму-то хватит», – говорили они. Собака была незаменима при охоте на пушного зверя (Л. 124) и считалась лучшим другом детей – «ну-ка загорюй, как она поймет; а то и от смерти спасет» (БЭМ 106. Л. 87).

Особое место в детских изображениях всегда занимают олени, а самих быстринцев именуют «оленными всадниками»⁷. Олень выступает связующим звеном между водной и горной системами. Именно ритм оленя организует жизненное пространство тунгуса-кочевника: только дорога оленя становится дорогой кочевника. Олень в эвенской культуре является чистым и почитаемым животным (в некоторых семьях были священные олени, на которых не ездили, было распространено гадание по оленьей лопатке и т.п.), поэтому неудивительна столь частая его репрезентация в художественном творчестве: «...на рисунке изображено как кочуют, вот же, это наши предки, вместе с пестрыми оленями, кочующие, как будто оленей ведут за собой изображено, ведущие караван оленей» (Одежда и прикладное искусство... 2018: 173). При этом в «оленьих» рисунках нет фантастических и символических образов, порожденных более поздними традициями культового искусства, рисунки имеют точный адрес во времени и пространстве, скорее в них (особенно в профильных изображениях оленей, схематичном изображении человека) сохраняется «неолитическая» художественная традиция.

Как отмечают Е.К. Алексеева и Г.Н. Варавина, эта неолитическая традиция вообще широко была представлена в искусстве народов Крайнего Северо-Востока, и традиционно для эвенов были присущи геометрические формы в виде кругов, полос, квадратов, треугольников, ромбов и др. (Алексеева, Варавина 2017: 16). По словам жительницы Быстринского района, эвенки Октябрины Николаевны Индановой, «у каждого народа, живущих на Камчатке, существуют свои узоры... вот этот самый основной орнамент у нас, эвенов, он как бы зашивается частями, кроется отдельно, отдельными частицами орнамента: вот эти ромбики, эти линии, эти палочки – все это кроется отдельно. И оно у каждой мастерицы по цвету выбрано по своему вкусу, что, какой ромбик представлять на этом орнаменте. Значит, для каждой мастерицы тот орнамент, который она создает своими руками, означает свое» (Одежда и прикладное искусство... 2018: 204).

Авторами сохранившихся в архиве Е.П. Орловой рисунков являются в основном мальчики, которые в большей степени верны традициям своих предков-охотников. Орлова специально отмечает, что девятилетние дети орочел твердо знали круг своих обязанностей: разводили костер, набирали воду в чайники и котелки, подавали родителям детали упряжи, привязывали и отвязывали лошадей и приводили их для седлания.

Не было ни одного случая ослушания, хотя родители никогда не кричали на мальчиков и даже не повышали тона голоса. Мальчики были веселы, резвы, вежливы, но не назойливы (БЭМ 262/3. Л. 135). Судя по рисункам из архива Орловой, мальчики чаще рисовали панорамные виды, которые можно было увидеть с горы или сопки, традиционное жилище (юрту), чаще изображали оленей, птиц и деревья, с которыми имели непосредственный (а не опосредованный – через книжные иллюстрации и экскурсии) опыт взаимодействия.

«Жизнь на Камчатке» в детских рисунках современных быстринских эвенов

В августе 2018 г., во время экспедиции в с. Эссо Быстринского района Камчатки, преподаватель рисования местной детской школы искусств Любовь Ивановна Данилюк в интервью нам подтвердила, что дети-эвены – интересные, талантливые и очень хорошо рисуют. О прекрасных навыках рисования детей эвенов говорил и Александр Иванович Сучков – директор Быстринского этнографического музея, в котором ежегодно проводятся конкурсы детского рисунка.

Они очень хорошо чувствуют тональность, у них особое умение передавать полутона (от белого к черному), но и цветом, а также графикой они владеют великолепно. Очень умело животных изображают: оленей, медведей, собак и пр., т.е. тех, кого в жизни видели и знают... Дети-эвены имеют охотничьи навыки, которые совершенствовались столетиями, поэтому они рисуют прицельно, им свойствен точный глазомер для передачи композиции, наброска... Девочкам, как рукодельницам, часто приходится иметь дело с рисунком, особенно при изготовлении трафаретов для узоров и вышивки... В школе мы ставим задачу: вот набросок, придумай окружение, и дети прекрасно с ней справляются... (Из интервью с Л.И. Данилюк. Август 2018).

Ученица школы искусств с. Эссо Влада Вамба (16 лет, мать – эвенка, отец – испанец), которая в момент интервью оформляла деревянную сцену ко дню района, рисуя на ее стене горы, облака и оленя (символ района), отметила, что рисует она с раннего детства и ей всегда нравилось изображать объекты природы, животных и детей. Часто в рисунках современных детей к традиционным природным образам добавляются техногенные (вертолеты, самолеты, машины, телефоны и пр.), но Владу, по ее словам, не привлекают современные технологии – фотографии и компьютерные изображения:

Сфотографировать каждый может, а чтобы рисовать, нужен талант. Если рисунок сложный, я делаю эскиз, а если не сюжетный, например портрет, то работаю без эскиза, сразу на беловик, но это – графика в основном. Люблю рисовать красками и карандашами, но если

нет кисточки, то могу и пальцем нарисовать.... Основные цвета преобладают: голубой, синий-синий, красный, черный и белый. Это основные цвета в орнаменте эвенов. А остальные, как бы уже по своему вкусу... Не рисую только одним цветом, цвета нужно обязательно смешивать. Вот сейчас мне нравится анимэ, я смотрю анимэ, и мне нравится рисовать представителей разных национальностей в стиле анимэ... (Из интервью с В. Вамба. Август 2018).

В двух десятках детских рисунков, любезно предоставленных нам Л.И. Данилюк, большая часть сюжетов – это самостоятельное творческое видение мира («Я помогаю маме», «В ночи», «Олень», «Олени и вертолет», «Жизнь в тундре», «Встреча оленя с медведем», «Олень и человек – друзья навек», «Олений всадник», «Упряжка», «Горный красавец» и др.), меньшая часть – это иллюстрации к эвенским и русским сказкам.

Большинство рисунков детей эвенов – сюжетные, содержат небольшой рассказ из жизни или выражение мечтаний, в них сохраняются тонкая наблюдательность, хорошая зрительная память и умение работать с цветом. По выражению самих мастериц-эвенок, «у каждой женщины, у каждой мастерицы свой цвет: у кого-то темно-красный, темный-темный, бывает просто красный, светлый» (Одежда и прикладное искусство... 2018: 88), к тому же «краска колдует».

Если кто-то должен умереть, то она это предвещает, не слушается, плохо окрашивает, такой бледный цвет имеет, неровно ложится. А когда краска окрашивает по-настоящему, тогда все хорошо будет – это видно. Краска из ольхи – это священная краска, говорят. Ольху ищут, где она бывает, среди кедрочей. С кедром рядом выросшая хорошая бывает, в темной стороне от солнца, солнечные лучи на нее не должны сильно падать (Одежда и прикладное искусство... 2018: 103).

Наряду с сохранением традиционных приемов работы в художественном творчестве, очевидна трансформация сюжетной составляющей в изображениях, обусловленная современными реалиями жизни на Камчатке, где соединяются «досоветское» и «советское» наследие, происходит унификация культурных ценностей, у коренных народов нарушается замкнутость родовых структур, исчезают анимизм и тотемизм как основа мировоззрения. Взаимодействие с природой носит все более опосредованный характер: для охоты и рыбалки необходимо иметь разрешение, т.е. вступать в договорные отношения с государственными органами, претендующими на нишу, традиционно принадлежащую самой природе, сказываются также экологические последствия промышленного освоения края. К примеру, в рисунках, рассказывающих о жизни на стойбище, помимо традиционных персонажей – пастухов, оленей и собак – все чаще появляются вертолеты и снегоходы;

а в изображении домашнего уюта интерьер юрты уступает место поселковой квартире (рис. 3).

Рис. 3. Рисунок «Моя семья». Автор – Коеркова Маша, 11 лет, с. Эссо Быстринского района, 2018 г.

Изменения обстоятельств жизни влекут за собой трансформацию не только системных связей между людьми внутри общины, но и внутреннего мира каждой отдельной личности, вызывают сложные процессы переосмысления реальности в сознании людей. Сочетание прагматического и духовного подхода в отношении к земле и природе – это характерная черта современного мировоззрения народов Севера (Сирина 2008: 131). Как отмечает А.И. Кириллова, для современного этапа развития быстринских эвенков характерно формирование двухслойных личностей, которые являются носителями как элементов западной культуры, так и традиционной системы ценностей (Кириллова 2015: 13). По свидетельствам наших информаторов, даже имеющие явный художественный талант дети не развивают свои способности во взрослом возрасте, объясняя это отсутствием практического смысла и рациональных перспектив. Существующие же профессиональные художники из среды эвенков Камчатки представляют собой редкие исключения и работают в основном на заказ, в частности, для «оформления» мероприятий, связанных с национальной тематикой, а также для удовлетворения запросов все увеличивающегося потока туристов в Быстринский район Камчатки.

Заключение

Анализ детских рисунков тех или иных этнокультурных сообществ вносит существенный вклад в антропологическое знание, по крайней мере, по двум основаниям. С одной стороны, изучение детских рисунков позволяет обозначить важные линии в антропологическом изучении, связанные с дальнейшими исследованиями в области визуальной антропологии, антропологии детства и индигенных исследований. С другой стороны, детский рисунок в антропологии служит не в качестве иллюстрации к основному материалу, а оказывается значимым визуально-антропологическим документом, позволяющим зафиксировать локальные мировоззренческие особенности восприятия своей культуры. Проведение сравнительного анализа архивных и современных детских рисунков, помимо прочего, позволяет обозначить различные исторические способы визуальной репрезентации того или иного региона, выявляет локальные процессы трансформации этнической культуры.

Предпринятый нами анализ детских рисунков быстринских эвенов показывает преобладание в них живого реализма, умение видеть и понимать мир по-своему, способность отобразить не только внешний облик предметов, но и их сущность, свободное изображение на плоскости всевозможных предметов, умение сочетать образы и целые картины, анимизм изображаемого, сходство рисунков с оригиналом, наличие типично глубинного чувства ритма. Все это свидетельствует о сохранении устойчивых компонентов детского художественного творчества быстринских эвенов, а также о возрождении в условиях постсоветской действительности интереса к своей традиционной культуре и традиционным ремеслам. Обращение к собственным «корням» в сфере художественной репрезентации своей этнической культуры – это один из путей сохранения или построения своей идентичности в полиэтнической среде. Важную роль в этом играют детские рисунки, которые как в прошлом, так и в настоящее время, фиксируют особенности мировоззрения быстринских эвенов, «оленных всадников», образующих сегодня группы «кочевников-пастухов» и «оседлых селян».

Примечания

¹ Данные на 01.01.2018 г.

² Архив Е.П. Орловой случайно был обнаружен и передан в дар музею г. Петропавловска-Камчатского в 2011 г. Ю.А. Цвиркуновым, который в 1966–1971 г. работал геологом в Пенжинской экспедиции на Камчатке и которому, по его словам, «не безразлично культурное наследие, оставленное при изучении этого края». Материалы Е.П. Орловой, хранящиеся в Быстринском этнографическом музее с. Эссо, по всей видимости, были переданы ей самой в знак благодарности Камчатскому краю, где она проводила долговременные исследования.

³ См.: Монография Е.П. Орловой «Изменения быта и культуры народов Севера Камчатки в Советский период». Ч. 1. Ительмены и коряки. (1963–1964). Л. 5. Отметим, в част-

ности, что в XVII–XIX вв. в официальных документах исследователи называли эвенов тунгусами, что приводило к неточностям в определении этнической принадлежности групп региона.

⁴ Этноним «эвены-быстринцы» как особой территориальной группы эвенов был введен в научный оборот К.Г. Кузаковым в 1968 г.

⁵ «Бэринэл» (эвен.) – «откол» оленей от основного стада.

⁶ Учреждение в 1929 г. в с. Эссо Быстринского района школы-интерната привело к массовому изъятию детей-эвенов из оленеводческих хозяйств, привычных для них условий традиционного образа жизни и болезненному разлучению детей с родителями.

⁷ По данным И.С. Гурвича, во время летних перекочевок эвены передвигались преимущественно верхом, а вещи перевозили вьюком. Впереди ехала женщина верхом олене (*учаг*), за учагом следовал олень с детской люлькой (*бэбэрук*), затем с грузом шли вьючные олени (*зилгэ*), за ними олень, тащивший крышки от чума, называвшийся энкурен, далее шел олень с короткими жердями от чума (*чорарук*) и замыкал шествие олень, волочивший длинные жерди от чума (*ирукасак*). См.: Гурвич И.С. Быстринские эвены Камчатской области. БЭМ. 200. Л. 2.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за содействие в работе над статьей сотрудникам Камчатского краевого объединенного музея и лично – С.В. Графской, сотрудникам Быстринского районного этнографического музея и лично – А.И. Сучкову, коллективу школы искусств с. Эссо и лично – Л.И. Данилюк.

Литература

- Алексеев А.А. Забытый мир предков (Очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-Западного Верхоянья). Якутск: Ситим, 1993.
- Алексеева Е.К., Варавина Г.Н. Визуализация геоландшафта в традиционной орнаментальной культуре эвенов Якутии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86), ч. 5. С. 15–17.
- Бергман С. По дикой Камчатке / Пер. на рус. А. Натиня. Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 2000.
- Гурвич И.С. Эвены Камчатской области // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера: Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.: Наука, 1960. Т. LVI. С. 63–91.
- Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2009.
- История и культура эвенов: историко-этнографические очерки / Отв. ред. В.А. Тураев; РАН, Дальневосточное отделение, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. СПб.: Наука, 1997.
- Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общ. ред. П.П. Семенова. СПб.: [Тип.] М.О. Вольф, 1881–1901.
- Кириллова А.И. Быстринские эвены: история изучения и выделения группы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 113–120.
- Кириллова А.И. Трансформация традиционного общества быстринских эвенов (с 20-х гг. XX века по начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2015.
- Кузаков К.Г. Заметки об эвенах-быстринцах // Краеведческие записки. 1968. Вып. 1. С. 64–70.
- Николаев С.И. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. Якутск: Кн. изд-во, 1964.

- Одежда* и прикладное искусство эвенов Быстринского района / сост. Эрих Кастен, Р.Н. Авак. Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publication, 2018.
- Орлова Е.П.* Ламуты полуострова Камчатки // Советский Север. 1930. № 5. С. 39–48.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 146–168.
- Сирина А.А.* Заметки об оленегонных собаках у эвенов // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. № 5. С. 297–302.
- Сирина А.А.* Чувствующие землю: экологическая этика эвенков и эвенов // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 121–138.
- Слугин А.Я.* Камчатка: быстринские эвены-отшельники // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...»: материалы XXVIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 182–190.
- Титорева Г.Т.* Воспитание детей в кочевой семье эвенов Приохотья // Россия и АТР. 2016. № 3 (93). С. 234–243.
- Требуховский П.Ф.* Детский рисунок туземных народов Сибири. Иркутск: Секция школьного краеведения ВСОРГО, 1926.
- Хороших П.П.* Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири [Опыт инструкции]. Иркутск: Этнол. секция Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. общ., 1925.
- Causey A.* Drawn to see: Drawing as an ethnographic method. USA: University of Toronto Press, 2017.
- Jameson F.* Postmodernism of cultural logic of late capitalism // New Left Review. 2007. № 3. P. 53–94.
- Jochelson W.* The country of Kamchadals. 1930. Typescript prepared by I. Summers and D. Koester. URL: <http://www.shkola.of.by/the-kamchadals.html> (Accessed 29 October 2018).
- Publications of the Jesup North Pacific Expedition.* Leiden; New York, 1913. Vol. 8, pt. 3.
- Robert-Lamblin J.* The recent ethnohistory and contemporary situation of the Evens in Bystrinshij region (Central Kamchatka, Russian Far East) // Revue d'études comparatives Est-Oust. 2004. V. 42, is. 4.

Архивные источники

- Быстринский этнографический музей (с. Эссо, Камчатка) (далее БЭМ).
- БЭМ. 200. Гурвич И.С. Быстринские эвены Камчатской области.
- БЭМ. 262/1. Е.П. Орлова «Изменения быта и культуры народов Севера Камчатки в Советский период». Ч. 1. Ительмены и коряки. (1963–1964).
- БЭМ. 262/3. Е.П. Орлова «Изменения быта и культуры народов севера Камчатки в Советский период. Часть II. (ламуты–эвены–орочел).
- БЭМ. Ф. 259. Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края. 1926–1927 гг. Благовещенск, 1929.
- БЭМ. Ф. 106. Орлова Е.П. Хозяйственный быт ламутов Камчатки.
- БЭМ–728. Рукопись статьи Е.П. Орловой «Ламуты полуострова Камчатки» с вклеенными фотографиями. 1958 г.
- Камчатский краевой объединенный музей (далее ККОМ).
- ККОМ. ОФ. Д. 37380. Архив Е.П. Орловой.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2018 г.

Elena V. Golovneva and Ivan A. Golovnev

‘DRAWING KAMCHATKA...’: ARCHIVAL AND CONTEMPORARY REPRESENTATIONS OF THE REGION IN CHILDREN’S PICTURES OF THE BYSTRINSKIYE EVENS*

DOI: 10.17223/2312461X/23/3

Abstract. The article analyses the children’s drawings of the Bystrinskiye Evens living in Kamchatka, with the aim of investigating the traditional worldview components and representational potential of the regional image. It is based on a retrospective analysis of the previously unpublished archival data of Elizaveta Orlova (1899–1976) – the ethnographer who studied this ethnic enclave in Kamchatka in the first half of the 20th century and collected visual materials on their culture. The article also examines contemporary children’s pictures of the Bystrinskiye Evens, drawing on the materials collected in the museums of Petropavlovsk-Kamchatskiy and villages in the Bystrinskiy region as well as interviews with local residents taken in August 2018. The authors specifically explore the pictures drawn in the 1920s to 1930s as a tool for analysing their traditional culture and give interpretation of the symbolic and factual information encoded in those pictures. Special attention is paid to contemporary children’s pictures of the Bystrinskiye Evens. They conclude that the children’s drawings reflect a revived interest in the traditional culture and crafts among the Bystrinskiye Evens, on the one hand, and may be seen as one of the ways to preserve their own identity in a multi-ethnic environment and as a boundary separating locals from newcomers, on the other.

Keywords: children’s drawings of the 1920s to 1930s, Bystrinskiye Evens, E.P. Orlova’s archives, visualisation, Kamchatka

* This work was supported by the Russian Foundation for the Humanities as part of project no. 18-59- 23007 ‘Visual anthropological research of Russian and Soviet frontier territories in the first half of the 20th century: Russian and Hungarian scholars and filmmakers’.

References

- Alekseev A.A. *Zabytyi mir predkov (Ocherki traditsionnogo mirovozzreniia evenov Severo-Zapadnogo Verkhoyan'ia)* [The forgotten world of ancestors (Essays on the traditional worldview of the Evens in North-Western Verkhoyanye)]. Iakutsk: KIF «Sitim», 1993.
- Alekseeva E.K., Varavina G.N. *Vizualizatsiia geolandschafta v traditsionnoi ornamental'noi kul'ture evenov Iakutii* [The visualisation of geological landscape in the traditional ornamental culture of the Evens of Yakutia], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 12 (86), part 5, pp. 15–17.
- Bergman S. *Po dikoi Kamchatke*. Per. na rus. A. Natinia [Across the Kamchatka wilderness]. Petropavlovsk-Kamchatskii: Kamchat. pechat. dvor, 2000.
- Gurvich I.S. *Eveny Kamchatskoi oblasti* [The Evens of the Kamchatka region]. In: *Sovremennoe khoziaistvo, kul'tura i byt malykh narodov Severa. Tr. In-ta Etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia AN SSR* [Contemporary economy, culture, and daily life of the small-numbered peoples of the North. The works of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences]. Moscow: Nauka, 1960, Vol. LVI, pp. 63–91.
- Ditmar K. *Poezdki i prebyvanie v Kamchatke v 1851–1855 gg.* [Travelling to and staying in Kamchatka from 1851 to 1855]. Petropavlovsk-Kamchatskii: Novaia kn., 2009.
- Istoriia i kul'tura evenov: istoriko-etnograficheskie ocherki*. Otv. red. V.A. Turaev [The history and culture of the Evens: historical and ethnographic essays. Edited by V.A. Turaev]; RAN, Dal'nevostochnoe otdelenie, Institut istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka. St. Petersburg: Nauka, 1997.

- Zhivopisnaia Rossiia: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii*. Pod obshch. red. P.P. Semenova [The picturesque Russia: Our homeland and its role in terms of land, history, tribes, economy, and everyday life]. St. Petersburg: [Tip.] M.O. Vol'f, 1881–1901.
- Kirillova A.I. Bystrinskiye eveny: istoriia izucheniia i vydeleniia gruppy [The Bystrinskiye Evens: the history of research and group classification], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2012, no. 1 (16), pp. 113–120.
- Kirillova A.I. *Transformatsiia traditsionnogo obshchestva bystrinskikh evenov (s 20-kh gg. XX veka po nachalo XXI v.)*. Avtoreferat dis...kand. ist. nauk [The transformation of the traditional society of the Bystrinskiye Evens]. Kemerovo, 2015.
- Kuzakov K.G. Zametki ob evenakh-bystrintsakh [Notes on the Bystrinskiye Evens]. In: *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes]. Dal'nevost. kn. izd-vo. Kamch. otd-nie, 1968, Vol. 1, pp. 64–70.
- Nikolaev S.I. *Eveny i evenki iugo-vostochnoi Iakutii* [The Evens and the Evenks of south-eastern Yakutia]. Iakutsk: Knizh. izd-vo, 1964.
- Odezhda i prikladnoe iskusstvo evenov Bystrinskogo raiona*. Sost. Erikh Kasten, R.N. Avak [Clothing and applied arts of the Evens of the Bystrinskiy region]. Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publication, 2018.
- Orlova E.P. Lamuty poluostrova Kamchatki [The Lamuts of the Kamchatka peninsula], *Sovetskii Sever*, 1930, no. 5, pp. 39–48.
- Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. Landshafty pamiati: opyt prochteniia fotoal'bomov [Landscapes of memory: reading photo albums]. In: *Vizual'naia antropologiya: novye vzgliady na sotsial'nuu real'nost'*. Pod red. E. Iarskoi-Smirnovoi, P. Romanova, V. Krutkina [Visual anthropology: new perspectives on social reality]. Saratov: Nauchnaia kniga, 2007, pp. 146–168.
- Sirina A.A. Zametki ob olenegonnykh sobakakh u evenov [Notes on reindeer dogs of the Evens], *Evrasiia v kainozoe. Stratigrafiia, paleoekologiya, kul'tury*, 2016, no. 5, pp. 297–302.
- Sirina A.A. Chuvstvuiushchie zemliu: ekologicheskaiia etika evenkov i evenov [Feeling the earth: the ecological ethics of the Evenks and the Evens], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no. 2, pp. 121–138.
- Slugin A.Ia. Kamchatka: bystrinskiye eveny-otshel'niki [Kamchatka: the Bystrinskiye Hermit Evens]. In: *“O Kamchatke i stranakh, kotorye v sosedstve s neiu nakhodiatsia...”*: *materialy XXVIII Krashennikovskikh chtenii* [‘About Kamchatka and the neighbouring lands’: Proceedings of the 28th Krashennikov Readings]. M-vo kul'tury Kamch. kraia, Kamch. kraevaia nauch. b-ka im. S.P. Krashennikova. Petropavlovsk-Kamchatskii, 2011, pp. 182–190.
- Titoreva G.T. Vospitanie detei v kochevoi sem'e evenov Priokhot'ia [Children's upbringing in the nomadic family of the Evens of Priokhotye], *Rossia i ATR*, 2016, no. 3 (93), pp. 234–243.
- Trebukhovskii P.F. *Detskii risunok tuzemnykh narodov Sibiri* [Drawings of the indigenous children of Siberia]. Irkutsk: Sektsiia shkol'nogo kraevedeniia VSORGO, 1926.
- Khoroshikh P.P. *Ob izuchenii detskikh risunkov tuzemnykh plemen Sibiri (Opyt instruktсии)* [On the study of indigenous Siberian children's drawings (experiences in instruction)]. Irkutsk: Etnol. Sektsiia Vost.–Sib. otd. Rus. geogr. obshch., 1925.
- Causey A. *Drawn to see: Drawing as an ethnographic method*. USA: University of Toronto Press, 2017.
- Jameson F. Postmodernism of cultural logic of late capitalism, *New Left Review*, 2007, no. 3, pp. 53–94.
- Jochelson W. *The country of Kamchadals*. Typescript prepared by I. Summers and D. Koester. Available at: <http://www.shkola.of.by/the-kamchadals.html> (Accessed 29 October 2018)
- Publications of the Jesup North Pacific Expedition*, vol. 8, part 3, Leiden – N. Y., 1913.
- Robert-Lamblin J. The recent ethnohistory and contemporary situation of the Evens in Bystrinshij region (Central Kamchatka, Russian Far East), *Revue d'etudes comparatives Est-Oust*, 2004, Vol. 42, Issue 4.